

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ В. А. ЧЕРНЫХА О РАЗВИТИИ МЕТОДОВ ПЕРЕДАЧИ ТЕКСТА ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Член-корр. АН СССР Д. С. ЛИХАЧЕВ

В № 4 журнала «Исторический архив» за 1955 г. опубликована статья В. А. Черныха «Развитие методов передачи текста исторических источников в русской дореволюционной археографии», неправильно ориентирующая исследователей (речь может идти, конечно, только о начинающих) в области работы над текстами памятников и потому настоятельно требующая ответа.

Концепция статьи несложна. По представлениям автора, в археографии якобы происходит борьба между «критическим» (научным) и «формалистическим» (ненаучным) направлениями в области передачи текста исторического источника. «Формалистическое» направление стремится к точной передаче текста, к его буквальному воспроизведению с сохранением «вышедших из употребления букв», сокращений, пунктуации. «Критическое» направление (прогрессивное и единственно научное) предлагает издавать текст «научно прочтенным» (термин не очень ясный), истолкованным. Борьба этих двух «направлений» ведется, по мнению автора, без решительного перевеса одной из сторон с самого начала археографической работы (т. е. приблизительно с середины XVIII в.). «Во времени Великой Октябрьской социалистической революции,— заключает свою статью В. А. Черных,— эта борьба не только не прекратилась, но, наоборот, разгорелась с новой силой» (стр. 211).

Все существующие русские публикации текстов и всех русских археографов В. А. Черных распределяет по этим двум рубрикам, несколько не задумываясь над причинами столь длительной борьбы, тянувшейся в совершенно различных общественных условиях, от феодализма и до социализма, не давая себе труда по-настоящему заглянуть в литературу вопроса как нашу, так и иностранную, не обращая внимания на то обстоятельство, что одни и те же исследователи пользовались иногда обоими способами передачи текста параллельно (иногда в одном и том же издании), и механически отрывая методы передачи текста от методов изучения истории текста, определения редакций, выбора основного списка, подведения разночтений и т. д.

Так, например, В. Н. Татищев, согласно В. А. Черныху, оказывается представителем прогрессивного, критического отношения к источникам. И это положение иллюстрируется, между прочим, странной мыслью, что использование В. Н. Татищевым летописей в «Истории Российской» и цитирование им летописных источников в переводах может «по сути дела» считаться их публикацией (стр. 202).

А. Шлецер, которого обычно принято, и не без оснований, обвинять в гиперкритике, в бесплодных попытках издавать «сводный текст» Нестора, рассматривается В. А. Черныхом только на основании его издания: Никоновской летописи как апологет «некритического отношения к публикуемому источнику» (стр. 202). Издание И. С. Баркова Кенигсбергского списка летописи (1767 г.), которое принято считать образцом некритического отношения к тексту летописи и беспринципного смешения совершенно различных летописей, объявляется «несомненно критическим» (стр. 202), т. е. «научным» и «прогрессивным».

Последующие публикации рассматриваются в том же роде. По одному или двум изданиям, по случайно выхваченным высказываниям В. А. Черных относит всех археографов то в лагерь критического, то в лагерь некритического направления. Так, например, А. И. Оленин, составивший замечательное для своего времени «Краткое рассуждение о издании полного собрания русских деесписателей»¹, объявляется «сторонником некритического, буквального воспроизведения текста летописей» (стр. 204), очевидно, потому, что в своем «рассуждении» он решительно и основательно возражал против попыток составления «сводного толкового летописца» — попыток, кстати сказать, принадлежавших именно А. Шлецеру, объявленному самим же В. А. Черныхом сторонником того же «некритического направления».

К каким нелепостям ведет механический отрыв метода передачи текста исторических источников от остальных вопросов их издания и изучения, ясно видно из характеристики методов передачи текста П. М. Строева, которая занимает в статье В. А. Черныха центральное место. В. А. Черных считает, что сформулированные П. М. Строевым в предисловии к «Софийскому временнику» «методы, направленные на передачу текста исторических источников» (стр. 204), явились «высшим достижением русской дореволюционной археографии» (стр. 207)², не замечая, что само-то издание «Софийского временника» представляет собой одно из самых печальных недоразумений русской археографии.

К числу парадоксов В. А. Черныха может быть отнесена также и его высокая оценка первого издания Полного собрания русских летописей, пользование первыми томами которого для исследователей справедливо считается в настоящее время недопустимым. Больше того, выходя за пределы темы своей статьи, В. А. Черных хвалит это первое издание за «приемы подведения вариантов из различных списков летописей»³, т. е. как раз, в сущности, за самую слабую его сторону, так как Я. И. Березников применил грубо ошибочный метод смешения текста различных летописей, произвольную замену текстов одних летописей другими и подводил варианты по различным редакциям и различным памятникам.

На фоне этой похвалы изданиям Я. И. Березникова особенно «многозначительным» выглядит то, что В. А. Черных пишет о приемах издания летописей А. А. Шахматовым (стр. 210—211). Оказывается, что А. А. Шахматов был совершенно беспомощным издателем грамот и летописей и сам якобы признавался в этой беспомощности. Он был, разумеется, представителем «некритического направления», слепо следовал за текстом рукописей, вносил «невообразимую путаницу» тождеством изображения выносных букв в конце слов и буквенных сносок к тексту-

¹ «Сын Отечества», 1814, т. XII, № 7.

² Об этом же В. А. Черных говорит еще раз на стр. 209.

³ «Большое положительное значение, — пишет В. А. Черных, — имела разработка главным редактором «Полного собрания русских летописей» Я. И. Березниковым приемов подведения вариантов из различных списков летописей» (стр. 205).

альным примечаниям¹ и т. д. В. А. Черных обвиняет представителей «некритического направления» (А. А. Шахматова и др.) за то, что они в некоторых случаях считали необходимым сохранять пунктуацию, которая, по мнению В. А. Черных, «ничего, в сущности, не выражала» (стр. 210), хотя и употреблялась по какому-то прискорбному недоразумению в русском письме в течение целых семи веков!

Существенное дополнение к статье В. А. Черных составляет автореферат его диссертации «Методы передачи текста исторических источников в советской археографии»². Оказывается, что и в советской археографии с особой силой разворачивалась та же борьба, причем «формалистическими» (и, следовательно, ненаучными) должны быть признаны такие советские издания исторических источников, выполненные Институтом истории АН СССР, как «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» (М.-Л., 1950, подготовил к печати Л. В. Черепнин, ответственный редактор С. В. Бахрушин), «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси» (М., 1952, ответственный редактор Б. Д. Греков), «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов» (М.-Л., 1950, подготовил к печати А. Н. Насонов, ответственный редактор М. Н. Тихомиров)³.

Все эти натяжки, ошибки и искажения получились в результате того, что вопросы передачи текста источника В. А. Черных механически оторвал от других вопросов археографии и принял за разные «направления» различные типы изданий, а те споры, которые велись между учеными о том, как готовить то или иное конкретное издание исторических источников, счел за споры об издании источников вообще, безотносительно к тому, что и для какой цели издается.

Как известно, существует несколько типов изданий исторических источников и литературных памятников: во-первых, издания факсимильные, во-вторых, издания дипломатические, в-третьих, издания критические и, в-четвертых, научные реконструкции текста. Все четыре типа изданий могут быть применены по отношению к одному и тому же памятнику порознь различными исследователями или одним и тем же исследователем, но в разных изданиях, или одним и тем же исследователем параллельно в одном и том же издании. Все зависит от целей издания и от возможностей, которыми исследователь располагает. Так, например, А. А. Шахматов издал текст Радзивилловской летописи факсимильно⁴, Ипатьевскую летопись (вышел только один выпуск) — дипломатически⁵, «Повесть временных лет» — в научной реконструкции⁶. А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров в одной и той же книге издали тексты новгородских берестяных грамот в четырех видах: факсимильно — двумя способами (фотоцинкографически и в прорисях Н. М. Кислова), дипломатически и критически. Ясно, что указанные исследователи, издавая новгородские берестяные грамоты, отнюдь не были раздираемы внутренними противоречиями между «научными» и «ненаучными» способами переда-

¹ Кстати, отметим, что никакой «невообразимой путаницы» буквенное обозначение сносок в издании «Ипатьевской летописи» не вносит, так как буквенные сноски, так же как и цифровые, четко отделены в издании от слова, к которому они относятся, отступом, а конечные выносные буквы набраны над последней буквой слова. В этом легко убедиться, заглянув в т. II, вып. 1, третьего издания Полного собрания русских летописей (Пг., 1923).

² Издание Московского государственного историко-архивного института МВО СССР, М., 1955.

³ См. там же, стр. 14—15.

⁴ Издание ОЛДП, СПб., 1902.

⁵ ПСРЛ, изд. третье, т. II, вып. 1, Пг., 1923.

⁶ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I, Пг., 1916.

чи текста. В самом деле, разные типы изданий источников существуют постольку, поскольку перед изданиями могут стоять различные задачи, а не потому, что их авторы находятся на противоположных позициях. Все четыре типа (определившиеся в археографической практике, конечно, далеко не сразу) могут быть и научными и ненаучными (в последнем случае — если они выполнены небрежно или исходя из неправильных общих методологических принципов).

Среди археографов были сторонники различных типов публикаций текстов, но не самих по себе, а по большей части применительно к конкретным изданиям, к конкретным задачам той или иной публикации. Споры шли и идут о том, как издавать те или иные памятники, и эти споры в большей или меньшей степени являются спорами о том, для чего будет предназначаться задумываемое издание.

Первый тип изданий — факсимильный — предназначается для самостоятельных изысканий исследователей (памятники, особенно значительные, никогда нельзя считать изученными до конца их издателями). Они должны давать совершенно отчетливое представление о внешнем виде документа. Следует, впрочем, оговориться, что факсимильные издания далеко не всегда абсолютно точно воспроизводят текст и не могут заменить рукописи. Прежде всего, факсимильные воспроизведения не дают представления о материале, на котором написана рукопись, о филигранях на бумаге, о выделке пергамента и т. д. Во-вторых, в большей или меньшей степени факсимильные издания искажают внешний вид рукописи: при гравировке на меди или литографировании текст воспроизводится художником, при фотомеханических воспроизведениях текст может оказаться отретушированным или подсвеченным белилами¹, в результате чего могут исчезнуть некоторые важные детали. Кроме того, могут иметь недостатки и сами фотографии и типографское воспроизведение этих фотографий.

Вот почему, наряду с самыми совершенными методами факсимильного воспроизведения рукописей, никогда не утратят своего значения дипломатические издания, в которых текст документа воспроизводится средствами типографского набора с максимальным приближением к оригиналу. «Узнать» в подлиннике все буквы и знаки, определить их взаимоотношение — в ряде случаев задача, совершенно необходимая для будущих истолкователей текста, в возможности появления которых не может сомневаться ни один ученый. Только отсутствием самостоятельного опыта издания текстов можно объяснить утверждение В. А. Черныха, что точное воспроизведение текста не требует исследовательской работы и сводит роль археографа «к роли аккуратного переписчика»². Практика показывает, что дипломатические издания — один из самых сложных способов воспроизведения текста и одновременно наиболее «долговечный». Он требует от археографа превосходного знания языка источника, огромного

¹ Последнее допускается даже в издании берестяных грамот. Отмечу, кстати, что все увеличивающееся микрофильмирование, фотокопирование и фотографирование рукописей также можно рассматривать как факсимильные издания.

² В. А. Черных. Методы передачи текста исторических источников в советской археографии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1955, стр. 2. Так же неправильно и другое утверждение В. А. Черныха, будто точное воспроизведение текста «в чистом виде» означает отказ издателей от исторического анализа (см. статью, стр. 209). Исторический и текстологический анализ памятника обычно дается в сопроводительных статьях публикатора. И этих сопроводительных статей отнюдь не меньше при факсимильных и дипломатических изданиях, чем при изданиях критических и научных реконструкций. Так, например, фотомеханическому воспроизведению Радзивилловской летописи (СПб., 1902) А. А. Шахматов предпослал исследование, большее по своему объему, чем то, которое приложено к его реконструкции «Повести временных лет» (Пг., 1916).

опыта чтения рукописей, умения определить значение отдельных графических деталей, которые в иных типах издания обычно опускаются, определять сокращения и выносные буквы, пунктуацию, расположение строк и т. д. Дипломатические издания, выполненные в свое время А. А. Шахматовым, П. Симоном, Е. Ф. Карским и А. С. Лаппо-Данилевским, представляют очень большую ценность для историков, лингвистов и литературоведов, позволяя продолжать работу по углубленному толкованию памятников. Естественно, что дипломатические издания совершенно необходимы для наиболее важных исторических источников, — тех, в которых каждое слово имеет большое значение (таких как «Русская правда», «Слово о полку Игореве», судебники и т. д.) и которые известны в немногих списках (при наличии многих списков текст можно корректировать по другим спискам). Внутри этого типа издания источников могут быть, в свою очередь, как и в факсимильном типе, различные виды, мы их здесь не касаемся¹.

Критические издания памятников — наиболее распространенный тип научных публикаций, особенно если памятник известен во многих списках. И в этом случае самый тип издания отнюдь, конечно, не ограничивается только приемами передачи текста. Различия школ, подходов и направлений сказываются по преимуществу именно в этом типе изданий и в научных реконструкциях.

Научные реконструкции — это различные восстановления первоначального вида памятника (или одной из его редакций). По большей части — это гипотезы, а потому они интересны главным образом как приложения к исследованию. Видов реконструкций столько, сколько существует ученых, занимающихся ими. Реконструкции только условно могут быть названы публикациями текстов, но, тем не менее, обязательно должны рассматриваться наряду с ними.

Наконец, о самом главном: о борьбе прогрессивных и непрогрессивных направлений в археографии. В. А. Черных ищет эту борьбу не там, где она есть на самом деле. Превознося критику текста как таковую, В. А. Черных в своей статье нигде не обмолвился ни словом, что в этой критике текста существуют различные, сложные направления. Для него критическое отношение к тексту уже само по себе является синонимом отношения научного. Но в том-то и дело, что критическое отношение к памятнику может быть и качественно, и «количественно» совершенно различным. В разной степени критическое отношение к памятнику существует во всех четырех видах издания текста. В незначительной степени оно присутствует уже в факсимильном воспроизведении (выбор памятника и страниц для фотографирования; при фотографировании может быть выделен почерк или подчеркнуты дефекты материала, лист рукописи может быть снят полностью или только в той его части, которая заполнена текстом, и т. д.). Критическое отношение к памятнику в сильной степени присутствует уже в точных дипломатических изданиях. Еще сильнее оно в собственно критических изданиях и, наконец, настолько усиливается в реконструкциях текстов, что эти реконструкции только условно могут быть признаны публикациями текстов. Борьба различных направлений совершается в методах критики текста и в большей или меньшей мере охватывает все типы изданий. При этом она не ограничивается, разумеется, методами передачи текста. Критика текста охватывает все области текстологии. И именно в критике текста в целом, а не в одной ка-

¹ О дипломатических изданиях см. интересную (хотя и спорную) работу François Masai: «Principes et conventions de l'édition diplomatique» («Scriptorium», 1950, v. I, t. 1—2, pp. 177—193).

кой-либо ее изолированной части сказались различные направления и школы, о которых ни словом не обмолвился в своей статье В. А. Черных, превознося критику текста как таковую.

Отмечу также, что вопрос о различных типах изданий и различных методах и направлениях в критике текста ни в коем случае нельзя рассматривать в отрыве от мировой науки. Русская наука развивалась в тесном взаимодействии с иностранной наукой. Издатели русских текстов испытывали влияние западноевропейских школ и направлений (главным образом немецких и французских) и, в свою очередь, оказывали влияние на методы публикаций за границей (главным образом на публикации славянских стран, а через А. А. Шахматова, И. В. Ягича и В. М. Истрина — на публикации текстов в Германии и во Франции).

Статья В. А. Черныха, неправильно указывая арену борьбы между прогрессивным и реакционным направлениями в археографии, отвлекает внимание исследователей от действительно имеющих в ней различных точек зрения на методы издания источников. Она крайне упрощает проблемы археографической работы и может создать искаженное представление об ее уровне в СССР.

О т р е д а к ц и и. Публикуя статью Д. С. Лихачева, в которой резко критикуются основные положения статьи В. А. Черныха, редакция просит историков-археографов высказаться по существу затронутых в этих статьях вопросов.

